

18+

ЗОВ
КРОВИ

РОМАН ШАЛЬНОВ

Роман Шальнов

Ратник. Зов крови

«Издательские решения»

Шальнов Р.

Ратник. Зов крови / Р. Шальнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-701433-5

В центре сюжета — судьба Родомира, воина понтийской армии, который оказывается в эпицентре кровавой междоусобицы между Понтией и Воландрией. Герой, не склонный к жестокости и мечтающий о мирной жизни в кругу семьи, сталкивается с вероломством и безжалостностью войны. В ходе этого кровопролитного конфликта двух государств, ему предстоит узнать тайны своего происхождения и лишиться всего. Путь искупления начинается с крови. И эта кровь будет принадлежать тем, кто считал себя неприкасаемым.

ISBN 978-5-00-701433-5

© Шальнов Р.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ратник. Зов крови

Роман Шальнов

© Роман Шальнов, 2026

ISBN 978-5-0070-1433-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

В воздухе витал тяжелый гул... Звуки ударов стали о доспехи, глухой треск щитов и чавкающий росчерк лезвий по мягкой, податливой человеческой плоти. Сквозь этот лязг прорывались крики — громкие, истошные, возвещавшие о том, что сталь достигла цели. Но постепенно грохот и вопли затихали, становясь всё реже — верный знак того, что штурм замка близится к развязке. Наконец, с разных сторон потянулись доклады: вражеское войско повержено, битва окончена. Через несколько мгновений победу громогласно подтвердил горн.

Голова кружилась. Родомир не понимал, виной ли тому зрелище жестокой сечи или запредельная усталость. Ноги подогнулись, заставляя его осесть на землю и прислониться спиной к опрокинутой телеге. Замерев в этой позе, он смотрел на последствия штурма. Заходящее за горизонт летнее солнце окрашивало багрянцем окровавленные, неподвижные, изрубленные тела. Жизнь еще не окончательно покинула некоторых поверженных воинов, и стоны боли, доносившиеся до него, казались Родомиру невыносимыми. Победа в этом сражении вызывала скорее тошнотворное отвращение, чем радость или триумф. Он прикрыл веки, надеясь, что мир вокруг затихнет, но в ту же секунду почувствовал, как чья-то рука бесцеремонно трясет его за плечо, а над ухом раздается восторженный крик:

— Герой! Проснись! Благодаря тебе мы сегодня одержали славную победу!

Этим «кем-то», как он и ожидал, оказался Боян — друг детства, а теперь еще и брат по оружию.

— Не преувеличивай, — глухо отозвался Родомир. — Я просто пытался не сдохнуть. А чтобы выжить в такой свалке, выбора немного: либо ты, либо тебя. Я свой выбор сделал.

— Брат! — не унимался Боян. — Ты совсем разучился радоваться. То, что мы сегодня совершили, навеки впишет наши имена в летописи Понтии. Мы целый город вернули! Глянь на меня! Ногу почти до кости полоснули, а посмотри на лицо — ни тени грусти!

— Ага, жаль, не по лицу от уха до уха резанули, — с тяжелой иронией отозвался Родомир. — Был бы в разы веселее.

Он взглянул на боевого товарища. На некрасивом лице Бояна с выдающимся, хищным носом и впрямь не было и следа досады. Впалые щеки и тонкие губы растянулись в неестественной улыбке, от которой становилось не по себе. В карих глазах светилось неприкрытое наслаждение, восторг от сознания победы, купленной ценой сотен жизней. Родомир усмехнулся и кивнул в сторону:

— А по-моему, тебя заносит. Вот уж чье имя точно останется в истории, так это вон того мужа.

Они оба обернулись. На небольшую дворцовую площадь города Любеч верхом на коне въезжал герцог Витольд II из Кангена. Площадь перед твердыней замка — последним рубежом обороны, который не выдержал натиска армии Понтии и наемников из королевства Рютинг, — была усеяна телами. Витольд был закован в тяжелый латный доспех, стеснявший движения, но почти не имевший изъянов. На груди красовался герб королевства: пятиконечная звезда в круге. Облаченный в сталь, на мощном коне, герцог выглядел угрожающе, хотя в народе шептались, что боец он заурядный. Зато Витольд всей душой жаждал слыть несокрушимым великим воином. Поскольку амбиции его не совпадали с талантами, а личных подвигов на поле боя не числилось, в душе его поселился болезненный комплекс, сделавший его на редкость жестоким человеком.

Сопровождаемый личной охраной, герцог почти поравнялся с твердыней, как вдруг, резко повернув голову в шлеме, остановил лошадь. Родомир проследил за его взглядом. Там, в дорожной пыли, тяжелораненый воландриец в предсмертной агонии бесцельно полз вперед, сам не сознавая, куда и зачем.

Витольд спешил. Гремя тяжелыми пластинами доспеха, он подошел к солдату, придавил его спину сапогом к земле. Солдат в бреду продолжал перебирать руками, стремясь к одной ему известной цели. Витольд же неспешно снял шлем, перехватил его правой рукой за гребень и принялся методично наносить удары по голове умирающего. Он бил до тех пор, пока металл шлема не лязгнул о каменный настил площади. Только тогда герцог остановился. Голова несчастного превратилась в кровавое месиво.

Гордо выпрямившись и смахнув капли крови с лица, герцог поднял взор к небу и с видимым удовольствием провозгласил: — Какое блаженство — давить этих псов. Хороший воландриец — мертвый воландриец!

Его охрана разразилась хохотом. Сам герцог тоже довольно рассмеялся.

Родомиру было не до смеха. Звериная жестокость Витольда вызывала лишь тошноту. Он хотел было что-то сказать Бояну, но, обернувшись, увидел на лице друга ту же одобрительную улыбку. В горле встал ком: мысль о том, что его товарищ настолько пропитался ненавистью к воландрийцам, была невыносима.

Родомир не помнил тех времен сам, но знал из рассказов матери и дяди: двадцать один год назад, когда он только родился, Понтия и Воландрия были единой страной. Народ, живший на этих землях, был одним народом. А теперь всё это словно стерли из памяти. Ровесников Родомира воспитали на культуре ненависти, внушая им идеи собственной исключительности и значимости. Эта ненависть вспыхнула с новой силой год назад, когда Воландрия вторглась в пределы Понтии, захватила Любеч и двинулась вглубь страны. Сегодняшняя победа позволила Понтии отогнать врага почти до самой границы.

Внезапно площадь пререзал властный голос герцога:

— Кто будет докладывать?! Кто здесь старший?! Где сотник?!

— Он пал, милорд! — выкрикнул Боян, вскакивая. — Я принял командование сотней, штурмовавшей площадь!

— Подойди, боец!

Прихрамывая, Боян поспешил к Витольду. Его левое бедро было обмотано какой-то тряпкой, насквозь пропитанной черной кровью. Приблизившись, он преклонил колено. — Замок взят, милорд. В твердыне забаррикадировались остатки — не больше десятка солдат. — Знатные среди них есть? — Не могу знать, милорд. — Сколько людей ты потерял? — Перекличку еще не проводили, но, думаю, моя сотня лишилась трех десятков добрых воинов. Бой выдался на редкость тяжелым. — Да, вижу, что пришлось несладко, — герцог небрежно махнул рукой. — Можешь быть свободен. Сейчас мы выкурим из башни этих тварей.

Боян поспешил отойти, освобождая дорогу свите. Не успел он сделать и десяти шагов, как герцог окликнул его:

— Постой, солдат! Имя?

— Боян, сын Абсея, Ваша светлость.

— Я запомнил тебя. Иди.

Хромая еще сильнее, Боян вернулся к телеге, где отдыхал Родомир. Витольд же подошел к самой башне и зычно прокричал: — Воины Воландрии! С кем из вас я могу говорить?!

Ответа не последовало. Герцог прибавил стали в голосе:

— Сдавайтесь! Мы всё равно достанем вас, но тогда пощады не ждите! — он выдержал паузу. — Пока я даю вам шанс сохранить жизни и сдаться в плен. Даю вам сотню вздохов на раздумья!

В этот момент на площадь прибыла бригада лекарей. Один из них бросился к Родомиру, но тот жестом показал, что цел, и указал на присевшего рядом Бояна. Лекарь быстро размотал окровавленную перевязь — на бедре зияла глубокая рубленая рана. Стоило снять жгут, как кровь хлынула с новой силой. Опытный здравник действовал молниеносно: промыл рану рас-

твором, наложил тугую давящую повязку. Всё заняло считанные мгновения. Закончив, он тут же помчался дальше.

Родомир провожал взглядом этого спасителя, бегущего среди трупов в поисках тех, кого еще можно вырвать из лап смерти. Он видел, как лекарь опустился на колени подле еще живого воландрийского солдата. Но не успел он открыть сумку, как к нему подскочил понтийский воин. Схватив лекаря за шиворот, он грубо швырнул его в сторону, выкрикивая ругательства. Оставив адепта бога Рода в покое, солдат перехватил топор обеими руками и с размаху опустил лезвие на шею воландрийца.

Родомир снова посмотрел на Бояна. Тот был бледен от потери крови, но на его лице всё еще сияла улыбка одобрения — он тоже видел эту расправу.

— Ты чего зубоскалишь? — не выдержал Родомир.

— Брат, да ты посмотри вокруг! — Боян смачно сплюнул в сторону одного из убитых врагов. — Как мы их разделали, а? Поганных псов!

— Я не разделяю твоей радости, — глухо ответил Родомир, опуская голову. — Мне не по себе от мысли, сколько жизней я сегодня оборвал.

— Ну и скольких? А?

— Я... не знаю.

— А знаешь, почему у тебя нет ответа? — Боян хохотнул. — Да потому что тебе плевать! Ты их пластал, словно заправский мясник туши. Будто они и не люди вовсе. Впрочем, они и есть нелюди.

— Ты не прав. Я же сказал: это война, либо я, либо они. А я, знаешь ли, дорожу своей шкурой. Но мне жаль парней с обеих сторон, которыедохнут не пойми во имя чего. Может, ты мне просветишь? — Родомир сорвался на крик.

— Тебе придется несладко, друг, — Боян проигнорировал вопрос. — Глядя на то, как ты владеешь мечом, я понимаю: на твоих руках будет еще очень много крови. Так что мой тебе совет: начни получать удовольствие! Тем более что резать воландрийских собак — дело богоугодное. Патриарх потом оптом все грехи отпустит.

Боян снова рассмеялся, а Родомир посмотрел на него с горьким презрением: — Что ты за урод, если тебе это кажется забавным?

Их взгляды встретились, но Боян быстро отвел глаза и демонстративно отвернулся к башне. Родомир понимал: тот не устыдился. Он просто считал жалость к врагу непростительной глупостью.

Из башни наконец донеслось:

— Хорошо! Мы выходим! Сдаемся!

На губах Витольда заиграла злобная ухмылка.

— Я знал, что эти трусы не захотят умирать как воины. И семидесяти вздохов не прошло, — бросил он стоящим рядом офицерам.

Жестами он расставил солдат по бокам от дверей, приказал лучникам держать стрелы на тетиве. Родомир оказался среди тех, кого выбрал герцог. Он встал у входа, обнажив меч.

— Выходите без оружия! Ослушаетесь — умрете на месте! — крикнул Витольд.

Все взоры на площади приковал к себе дверной проем. За дубовыми створками послышался скрежет засова, затем наступила давящая тишина. Вскоре заскрипели петли. Из темноты башни вышел первый солдат — безоружный, без доспехов, в одном поддоспешнике. Осмотревшись и убедившись, что их не расстреляют в упор, он подал знак остальным.

Всего их было восемь. Предводитель сделал шаг к Витольду, но герцог взорвался криком: — Стой, где стоишь! Кто позволил приближаться?! Всех на колени!

Пленники начали опускаться, но понтийские стражники решили ускорить процесс: удары под колено, тычки в спину и затылок рукоятями топоров посыпались на воландрийцев. Родо-

мир подошел ближе. Один из пленных вскинул на него взгляд — в глазах человека плескался первобытный ужас. Родомир невольно похлопал его по плечу, пытаясь хоть как-то подбодрить.

Витольд неспешно подошел к коленопреклоненным людям.

— Итак. Я герцог Кангенский Витольд II, командующий третьей армией Понтии. Обращаться ко мне «Ваша светлость» или «господин герцог». Ваши имена мне не важны. Интересуют только чины и титулы. Докладывать живо!

— Мы все — простые солдаты, Ваша светлость, — ответил тот, что вышел первым.

— Владеет ли кто-то из вас ценными сведениями?

— Сомневаюсь, Ваша светлость.

— Тогда какой смысл оставлять вас в живых? — Витольд помолчал, а затем бросил охране: — Увести их. Запереть в темнице до распоряжений.

Он дождался, пока пленных скроют в подземелье той же башни. Затем повернулся к капитану своей гвардии:

— Пытать всех, пока не выболтают хоть что-то стоящее. Но не забивать до смерти. Через три-четыре дня прибудет король — мы устроим на площади праздник с казнью. Ласточку государю уже отправили?

— Так точно, милорд, — вытянулся рыцарь. — Что по числу погибшей черни среди горожан?

— Сведения приблизительные. Чуть больше десятка — те, кто попал под раздачу на площади во время штурма.

— Маловато, — герцог на мгновение задумался. — Цифру убитой черни увеличить до разумных пределов... Скажем, до двадцати девяти. Сделайте это тихо, без свидетелей. Трупы снести сюда, к башне. Повесим всё на этих воландрийцев — мол, держали заложников и вырезали их перед сдачей. Так на казни и объявим. Пусть народ их ненавидит. Глашатаям велеть разнести весть о зверствах врага соседям и союзникам. Выполняй. — Слушаюсь, Ваша светлость.

Родомир, стоявший в отдалении, не мог разобрать каждого слова, но общую суть приказа уловил. Коварство герцога было беспредельным.

Витольд подозвал Бояна. Тот вскочил и, преодолевая боль, подбежал к господину.

— Встань, солдат. Боян, кажется?

— Всё верно, Ваша светлость.

— Вижу, ты ранен. Как только вернешься в строй, официально примешь под команду сотню бойцов. А сейчас распусти людей — пусть отдохнут, напьются. Но прежде передай: завтра в полдень — построение на центральной площади. Мне есть что сказать. После соберем ставку. Выполняй.

— Слушаюсь, милорд!

Боян поманил Родомира: — Братец, собирай всех. Живо. Нужно довести приказ герцога.

Сам Витольд тем временем распорядился: — Ночевать буду во дворце. Пошлите слуг, пусть готовят покои. И найдите людей — до утра убрать трупы с улиц.

Герцог взял коня под уздцы и зашагал к дворцу. Родомир собрал тех, кто еще мог стоять.

— Давай, командир, вещай, — произнес он, встав в строй. — Все, кто не мертв и не в лазарете, перед тобой.

Боян стоял спиной к догорающему закату. В сумерках глубокие тени на его бледном лице превращали глазницы в черные провалы. Он походил на оживший череп. Помолчав, собираясь с силами, он заговорил:

— Друзья! Братья! Вы все меня знаете. С кем-то из вас мы глотали пыль и кровь не в одной битве. И сегодня — великий день! День, когда мы с вами и те наши братья, что навсегда остались лежать здесь, освободили Любеч! Командующий оказал мне великую честь — я

назначен командиром нашей сотни. Обещаю: я буду тем кораблем, который сквозь реки вражьей крови доставит вас к морю под названием «Величие»!

Солдаты взорвались криками и аплодисментами. Речь воодушевила их. Всех, кроме Родомира. Его, не ослепленного пропагандой, не прельщала идея купаться в крови вчерашних братьев.

Боян дождался тишины: — Мой первый приказ! Сегодня — отдых. Пейте, ешьте, шлюх дерите! Но чтобы завтра в полдень все как один были на площади. Кто проспит — отведаёт плетей. Разойдись!

Солдаты рассыпались по городу. Боян подозвал Родомира, велел другому бойцу подать коня. Когда друг подошел, Боян спросил с плохо скрываемым волнением: — Ну? Что скажешь? Как речь? — Мурашки по коже не побежали, — равнодушно отозвался Родомир. — И это всё? Как-то сухо, не находишь? — в голосе Бояна прорезалось раздражение. — Слушай, отряд тебя принял — чего тебе еще? Какое тебе дело до моего мнения? — Может, оно мне важно, потому что мы друзья?

Родомир промолчал. Он сомневался, что они всё еще те мальчишки, что воровали яблоки у соседей, а потом получали розги от его дяди Колояра. Пропасть между ними росла с каждым днем войны.

Тишину прервал солдат с лошадью: — Командир, твой конь. — Помоги взобраться! — рявкнул Боян.

Боец подставил плечо. Оказавшись в седле, новый сотник бросил на Родомира сложный взгляд — смесь разочарования и злости. Затем он прищепил коня и умчался прочь.

Родомир остался на пустеющей площади. Он смотрел на последний луч солнца, утопающий в тучах. Всё, что случилось сегодня, вступало в спор с его внутренним миром. Дядя Колояр всегда твердил, что воин должен быть благородным, обязан уважать врага и хранить честь. На деле же война оказалась лишена чести — здесь царили подлость, корысть и бессмысленная злоба. Но сейчас он был в родном городе, и нужно было думать о доме.

Резкий порыв ветра хлестнул по лицу. Небо затянули тяжелые тучи, где-то вдалеке проворчал гром. Родомир зашагал прочь от замка, надеясь добраться до укрытия раньше, чем небеса разверзнутся ливнем.

Глава 2

Снаружи бушевал ливень. Раскаты грома сотрясали небо, а частые вспышки молний выхватывали из темноты окрестности, на мгновение превращая ночь в призрачный день. Тем, кто волею судеб оказался сейчас под открытым небом, вряд ли можно было позавидовать. Но в трактире «Резвая кобыла», притулившимся неподалеку от крепостных стен, было тепло и сухо. Здесь царило шумное веселье: победу над воландрийцами отмечали рютингские наемники и горстка понтийских солдат, еще сохранивших силы для гулянки.

Дверь распахнулась, впуская в зал струю сырого воздуха. Вошел мужчина, закутанный в тяжелый плащ. Капюшон скрывал его лицо, а с полы одежды вода не просто капала — стекала ручьями, мгновенно образуя лужу у порога. Не оглядываясь на пьяную толпу, путник прямым, уверенным шагом направился к стойке. Он тяжело облокотился на дубовую столешницу и в упор посмотрел на женщину, руководившую здесь.

Хозяйка трактира была статна. Лицо, обрамленное смоляными волосами, спадавшими на плечи, казалось строгим, но приятным. Мелкие морщинки в уголках глаз выдавали возраст, который она тщетно пыталась скрыть под слоем косметики. Ее синие, точно предгрозовое небо, глаза светились тревогой и какой-то странной отрешенностью; она то и дело бросала короткие взгляды на дверь, будто ждала кого-то важного. Одета она была нарядно, по-хозяйски: шелковый кубелёк, перехваченный поясом из цветного бархата, подчеркивал ее достоинство. Лишь жемчужные бусы на шее да золотое кольцо с сапфиром — в тон глазам — служили ей украшением.

Путник заговорил:

— Здравствуйте, добрая женщина. Мне бы комнату.

— Здравствуй, мил человек, — сухо, не оборачиваясь, отозвалась хозяйка. — Мест нет. Все комнаты заняты до последнего угла.

Она мазнула по нему коротким взглядом, но, не разглядев под капюшоном лица, снова отвернулась к стеллажу, делая вид, что старательно стирает пыль с полок.

— Я заплачу вдвое, сколько скажете, — настаивал мужчина.

— Да при чем тут деньги? — она недовольно ухмыльнулась, и в ее голосе прорезалась странная горечь. — Я же не вышвырну на улицу этих «отважных и доблестных» воинов только потому, что у тебя кошелек туже. Мы так дела не ведем. Ищи приюта в другом месте.

— Но ведь я тоже из числа тех самых... отважных и доблестных.

— Тем более. Тебе наверняка будут рады в любой другой корчме. А у нас — всё, забито.

— Мам... — голос мужчины дрогнул. — Может, для меня место всё-таки найдется?

Хозяйка замерла. В мгновение ока она обогнула стойку, подлетела к незнакомцу и сорвала с его головы мокрый капюшон. Она впилась глазами в его лицо. Губы ее задрожали, а по щекам, смывая белила, покатались слезы. — Родомир! Сыночек! Больше она не смогла вымолвить ни слова. Всклипнув, она крепко прижала его к себе, уткнувшись лицом в мокрую грудь. Родомир обнял ее в ответ, чувствуя, как внутри всё переворачивается. Глаза его против воли стали влажными. Они стояли так долго, не замечая ни шума пьяных наемников, ни запаха дешевого эля.

Наконец, Агидель — мать Родомира — немного пришла в себя. Она чуть отстранилась, но рук не убрала, словно боясь, что сын исчезнет, окажется лишь наваждением. Повернув голову в сторону лестницы, она закричала:

— Колояр! — ответа не последовало. — Колояр, леший тебя дери! — Сейчас спущусь! — прогремел сверху густой бас, от которого, казалось, завибрировали стаканы на полках.

Послышались тяжелые, мерные шаги. Через мгновение на лестнице выросла фигура дяди Родомира. Колояр был огромен — настоящий богатырь, на голову, а то и на две выше пле-

мянника. Войлочная шапка скрывала густые золотистые волосы, которые на висках переходили в окладистую, пышную бороду. Его острый нос украшало небольшое кольцо в левой ноздре. Лицо пересекал старый уродливый шрам, проходивший через левую глазницу, в которой поблескивал черный стеклянный шар. Единственный правый глаз, карий и пронизательный, внимательно следил за миром. Одет старый воин был просто: крестьянская рубаша, порты да сапоги. Лишь золотой перстень в виде драконьей лапы, сжимающей изумруд, намекал на его бывшее положение.

Замерев на ступеньках, Колояр прищурился. Признав племянника, он сорвал с головы шапку и, грохоча сапогами, ринулся вниз.

— Какие, твою мать, люди! Живой! — он оглушительно расхохотался. Подойдя, он положил тяжелую ладонь на плечо Агидели, безмолвно спрашивая дозволения, и та, утерев слезы, отошла в сторону. Колояр сцапал руку Родомира в свою ручищу и так крепко сжал ее, что хрустнули суставы, а затем притянул парня к себе, по-медвежьи обняв.

— Живой, сучонок... — прошептал он на ухо племяннику. — Полтора года ни весточки. Всех нас извел, паршивец.

Отстранившись, дядя окинул его придирчивым взглядом.

— А ты раздался в плечах! Выглядишь как мужчина, как воин, мать твою! А я-то уж боялся, что ты так и не избавишься от своей девичьей фигуры! — и Колояр снова залился смехом. Родомир не выдержал и тоже рассмеялся. Когда приступ веселья прошел, он посмотрел на самых близких ему людей и произнес ломающимся голосом: — Я скучал... Слезы предательски обожгли щеки, но он быстро смахнул их рукавом и снова обнял обоих.

Спустя время, когда первые эмоции схлынули, Колояр и Родомир вышли на задний двор. Дождь почти прекратился, оставив после себя лишь свежесть и прохладное дыхание ветра. Грозовые тучи разошлись, и полная луна заливала двор бледным, призрачным светом. Здесь было тихо — идеальное место, чтобы поговорить без лишних ушей.

— Почему не писал? — Колояр посмотрел на племянника исподлобья. — Мать, сестра, жена — все на иголках. Думали, кости твои уже в поле гниют. Да что там... я и сам, признаться, не на шутку издергался.

— Мне нечего было писать, дядя. Поначалу нас муштровали под Карвеем. Внушали ненависть к Воландрии, гоняли с тяжестями, учили этой их боевой хореографии, как в эльфийских легионах. А потом начался поход. Кровавый год... — Родомир поник. — Знаешь, я не хочу больше воевать. Всё должно было быть иначе.

— Не кисни. Сейчас ты солдат, и ты выполняешь приказ, нравится тебе это или нет. Хотя твоя служба этим ублюдкам мне поперек горла! — Колояр помрачнел, в его голосе закипала старая злость. — Я родился в Воландрии! Эти земли веками были воландрийскими! И родители тех щенков, что сейчас плюют в сторону границы, тоже были воландрийцами. Мы — один народ. Но понтийская знать продалась эльфам за красивые посулы, отреклась от корней и начала травить своих же. Но помани мое слово: воландрийцы скоро вернутся. Они не оставят нас. Тебе нужно переходить к ним, Родомир.

— Дядя, тише ты! Нас могут услышать, — Родомир опасливо оглянулся. — Я не могу. Бегство к врагу — это предательство. Я присягал королю.

— Да пускай слышат! — Колояр мотнул головой. — Присягал? Кому?! Этот король сам клятвопреступник. Нет греха в том, чтобы забрать слово у того, кто сам его не держит!

— Ты говоришь так, будто он тебе лично в душу плюнул. Откуда в тебе столько желчи?

— Эх, племянник... многого ты еще не знаешь.

Колояр замолчал, словно наткнувшись на невидимую стену. Постояв немного в тишине, он вздохнул и сменил тон: — Да и знаешь, сынок, не всё так худо... Полгода спустя, как тебя забрали, Деяна-то родила! — он широко улыбнулся. — Мальчишка — во! Здоровенный, крепкий. Мы уж грешным делом подумали, не от тебя такой богатырь, уж не нагуляла ли... Хотели

из дома гнать! — он снова громогласно захохотал. Родомир поначалу напрягся, не оценив грубоватой шутки, но, глядя на заразительный смех дяди, не выдержал и улыбнулся.

— Скучал я по твоим дурацким островам, — он хлопнул Колояра по плечу.

— По жене ты скучал больше, я уверен. Иди уже в дом, приласкай бабу. Да с сыном познакомься. А разговоры... разговоры подождут до завтра. У нас с матерью сегодня работы невпроворот. Иди, отдыхай.

— До завтра, дядя, — Родомир обнял Колояра на прощание.

Он неторопливо зашагал по двору к большому двухэтажному срубу, стоявшему на краю участка. За домом начиналась лесная опушка, оттуда тянуло запахом хвои и мокрой травы. Посреди двора рос старый могучий дуб. Родомир остановился возле него. На грубой коре, на уровне его глаз, было вырезано сердце, а внутри — две буквы: «Р» и «Д». Его имя и имя Деяны. Он медленно провел пальцами по затянувшимся следам ножа, и нежная, теплая улыбка коснулась его губ.

Подходя к дому, он вспоминал, как рос здесь: как помогал матери, как впервые сел в седло, как здесь же, под суровым взглядом Колояра, часами отрабатывал удары мечом. Дядя всегда требовал от него невозможного. И пусть Родомир не считал себя великим мастером, именно эта муштра помогла ему выжить в минувшем году.

У двери он замер. Сердце забилося чаще — он волновался, как мальчишка перед первым свиданием. Что сказать? Как она посмотрит на него? Отбросив сомнения, он толкнул дверь. На первом этаже располагалась просторная кухня. В центре — тот самый стол, за которым праздновали их помолвку. В углу — огромная печь с лежанкой, их с сестрой любимое убежище в детстве. На полках — знакомая утварь, часть которой когда-то служила Колояру орудием воспитания для него и Бояна.

Ностальгия накрыла его с головой. Как же прекрасна была та простая, мирная жизнь.

Стараясь не скрипеть половицами, он поднялся на второй этаж. У двери в их спальню Родомир замер, прислушиваясь. Из-за преграды доносился тихий женский голос — значит, не спят. Он глубоко вздохнул и вошел. На кровати, забавно перебирая ножками, ползал годовалый малыш. Увидев чужака, он замер и уставился на него любопытными глазами. Деяна обернулась на звук двери, увидела мужа — и лицо ее мгновенно залилось слезами. Она вскочила и бросилась к нему, неистово колотя кулачками по его груди. Родомир не сопротивлялся — он понимал ее гнев за месяцы безмолвия. Он просто крепко обнял ее, прижимая к себе, пока она не обмякла в его руках, продолжая беззвучно плакать.

Наконец, он поцеловал ее. Она мягко отстранилась.

— От тебя несет потом и кровью, Родомир...

— Знаю. Мне нужно отмыться и сменить тряпье.

— погоди, не так быстро, — она взяла его за руки и подвела к постели.

Малыш на кровати предпринял попытку встать на ноги, сделал пару шатких шагов и смешно плюхнулся на четвереньки, не сводя глаз с незнакомого мужчины.

— Он только недавно начал ходить, — нежно заметила Деяна. Родомир отстегнул перевязь с полуторным мечом и присел на край. Жена взяла ребенка и повернула его к отцу. Мальчик посмотрел в глаза Родомиру и вдруг расплылся в беззубой улыбке, издав радостный звук.

— Познакомься, это твой сын Ярослав, — прошептала Деяна. — Ярослав, это папа. Скажи: «па-па». — Па-па, па-па! — звонко повторил кроха.

Когда Деяна попыталась передать сына Родомиру, тот на миг опешил, боясь даже коснуться этого хрупкого создания.

— Да не бойся ты, он уже крепкий. Главное — не урони, — подначила его жена.

— Очень смешно, — пробормотал Родомир, осторожно принимая Ярослава.

Он усадил его на колено, придерживая за спинку. Мальчик смотрел на него серо-голубыми глазами и тянул ручонки к лицу отца. У Родомира перехватило дыхание. Он пропустил

его первые шаги. Пропустил первое слово. И сколько еще он пропустит в этой бесконечной бойне? Но одно он знал точно: теперь у него есть тот, кого он защитит любой ценой.

— Знаешь, а парень хорош, — Родомир неловко рассмеялся. — Впрочем, с таким-то отцом...

— Не льсти себе, он куда лучше, — подмигнула Деяна.

— И не поспоришь. Он наклонился и поцеловал сына в лоб, а затем свободной рукой притянул к себе жену. Они сидели в тишине, наслаждаясь близостью. Он не хотел говорить о войне, а она не хотела знать ее подробностей. Сегодня война осталась за порогом.

— Сходи в баню, — прервала тишину Деяна, нежно целуя его в щеку. — Приведи себя в порядок. А я уложу Ярослава. Сегодня тебя ждет очень долгая ночь.

Родомир улыбнулся и вышел. По пути он заглянул в комнату сестры, надеясь в шутку напугать ее, но там было темно и пусто. Решив, что она спит где-то еще или помогает матери, он проследовал в баню.

Затрещали свечи. Родомир скинул заляпанный кровью кожаный доспех. Осмотрел дублет и стеганные брюки — пара дыр от мечей, ничего критичного, еще послужит. Он всегда предпочитал легкую защиту: лучше уйти от удара или парировать его, чем полагаться на стальные пластины, сковывающие движения.

Без брони он почувствовал себя непривычно легким. За год похода он мог по пальцам пересчитать случаи, когда ему удавалось нормально помыться. Родомир подошел к чану и заглянул в воду. На него смотрело отражение: светло-русые волосы отросли до скул, над левой бровью белел свежий шрам. Брови подернулись преждевременной сединой, а в голубых глазах застыла тяжелая печаль. Губы, прежде привыкшие к улыбке, теперь застыли в равнодушной линии. Он попробовал улыбнуться своему отражению, но вышла натянутая, нелепая гримаса.

«Улыбнулся ли я ей по-настоящему там, в спальне?» — мелькнула тревожная мысль.

Но он был дома. Нужно было отбросить призраков войны. Жить здесь и сейчас, ведь завтра судьба снова может швырнуть его в пекло.

Ополоснувшись, он вернулся в комнату. Деяна ждала его. Она лежала на простынях совершенно нагая, и Родомир на миг замер, ослепленный ее красотой. Рыжие волосы огненной волной рассыпались по подушке, зеленые глаза сияли в полумраке. Ее кожа казалась бархатной в свете единственной свечи.

— Мы сына не разбудим? — хрипло спросил он. — Я перенесла его в комнату сестры. Нам никто не помешает, — выдохнула она.

Родомир лег рядом, накрывая ее губы своими. Вся усталость, весь запах гари и страха исчезли, растворившись в ее объятиях. Осталась только страсть — единственное, что доказывало: он еще жив.

Глава 3

Пробуждение было резким — его вырвал из сна детский плач. Золотистые лучи солнца, пробивавшиеся сквозь щели в ставнях, плясали на бревенчатых стенах, намекая, что рассвет наступил уже давно. Деяна, сонно потянувшись, села на кровати, собираясь идти к сыну.

— Пстой, — придержал её за руку Родомир, не желая покидать тепло постели. — Лада принесёт. Сестрица! Лада! Принеси-ка нам Ярослава!

Деяна остановилась, накидывая на плечи рубаху, и посмотрела на мужа с тихой печалью.

— Колояр и матушка, видно, вчера побоялись тебе радость портить, не сказали... — Она вздохнула. — Твоя сестра будто умом тронулась после твоего ухода. Полгода уже как в монастыре живет, порог дома не переступает. Всё молится за тебя, да за ранеными ухаживает, которых в Любеч со всех границ свозят.

Родомир замер. В памяти всплыла вчерашняя тишина в её комнате, которую он принял за глубокий сон.

— В монастыре, значит... — он нахмурился, в груди кольнуло недоброе предчувствие. — Что ж, тогда медлить нельзя. Пойду к ней сейчас же. Увидимся до общего построения, позову домой. Вечером должны быть все вместе.

— Сходи, родной, — Деяна слабо улыбнулась, выходя из комнаты. — Может, хоть тебя она послушает. Поговаривают, она на войну собралась, к самой черте, где мечи звенят.

— Что?! — Родомир вскочил, в мгновение ока стряхнув остатки сна. — Совсем девка с ума спрыгнула? Куда ей под стрелы?

— Говорит, жизни спасать хочет. Мол, там она нужнее.

— Жизни спасать — дело благое, — пробормотал он, затягивая пояс, — но не девичье это дело — по трупам лазать. Упёртая она, всегда такой была... Посмотрим, удастся ли мне её переубедить.

Перед уходом он заглянул в детскую. Деяна мерно качала колыбель, прижав палец к губам. Родомир кивнул и, стараясь не скрипеть сапогами, спустился вниз.

В трактире царил утренний полумрак и запах вчерашнего перегара. Было тихо. Лишь в углу трое наемников, чьи лица сливались в одно серое пятно усталости, вяло цедили эль, изредка стучаясь кружками и невнятно бормоча что-то под нос. Они явно не ложились с самого вечера.

Из подсобки вышла Агидель. Увидев сына, она преобразилась, на лице расцвела теплая улыбка.

— Что ж ты в такую рань, сынок? — она обняла его, поправляя воротник. — До полудня еще далеко, отдыхал бы.

— В монастырь пойду, мам. К Ладе. Почему вчера промолчали?

— Времени не было, — она отвела взгляд, протирая и без того чистую столешницу. — Вчера праздник был, радость... Не хотелось о грустном.

— Понимаю, — Родомир коснулся её руки. — Но сегодня вечером мы соберемся все вместе. Ладу я приведу. Найди кого на подмену в зале, посидим по-семейному.

— Хорошо, возьму соседскую девчонку. А Колояр... он и так сейчас работник никакой, — она горько усмехнулась.

— Кстати, где дядя?

— Напился вчера вдрызг. Ты ведь такой повод дал! — Она чуть рассмеялась, но в смехе слышалась горечь. — Ушел в свою избу с какой-то понтийской потаскухой. Спит еще, поди.

Родомир нахмурился.

— Часто он так? Раньше за ним такого не водилось. Был как камень.

— Ты ушел, вестей не было... — Агидель вздохнула, присаживаясь на лавку. — Как война грохнула, так он и сломался. Виду не подавал, хорохорился, но я-то видела, как он по ночам за тебя изводился. Сейчас он больше на постояльца похож, чем на охрану: ест, пьет да местных лахудр по углам зажимает.

— Значит, это я его довел, — глухо произнес Родомир.

— Не вини себя. У каждого своя тропа. Но ты за дядю не бойся, в конченого пропойцу он не превратился. Коли беда придет — любого на куски порвет, нас защищал как лев. За то и любим.

— Ну, и за шуточки его дурацкие тоже, — Родомир попытался разрядить обстановку, и мать негромко рассмеялась в ответ.

Их разговор оборвал скрип двери. В трактир, припадая на левую ногу, ввалился мужчина. В руках он сжимал нелепый букет полевых цветов, поникших и пыльных. Родомир не сразу, но узнал в этом потрепанном солдате своего старого друга Бояна. Тот остановился, покачиваясь, и масляно улыбнулся Агидели.

— Тётушка Агидель! А можно я вас сразу мамой называть буду?

— С какого это перепугу? — резко спросила она, инстинктивно делая шаг за спину сына.

— Так я за рукой Ладочки пришел, дочери вашей, — Боян перевел взгляд на Родомира, и в его глазах блеснула нехорошая искра. — А ты чего зенки вылупил? Я теперь тебе и командир, и зять, и брат буду. Не рад, что ли?

— Мы это уже обсуждали, Боян, — голос Родомира стал холодным, как сталь. — Не люб ты ей. На том и порешили еще два года назад. Больше ты к ней не лезешь.

— То было раньше! — Боян сплюнул на пол. — Тогда она девчонкой была, а я — простым деревенщиной. А теперь я человек при чине, военный! И если этого мало... Ночью я кое-что узнал. Кое-что такое, что ни тебе, ни семье твоей не понравится. Я пока человечку тому язык приказал прикусить, но могу и передумать...

Договорить он не успел. Внутри Родомира будто лопнула тугая струна. Он не помнил, как сократил дистанцию. Удар в челюсть опрокинул Бояна на спину. Родомир прыгнул сверху, вцепился в грудки и начал методично, с какой-то звериной яростью вколачивать кулаки в это самодовольное лицо. — Ты... сука... семье моей угрожать вздумал?! — каждое слово сопровождалось глухим ударом. — Ты с этого места живым не уйдешь, мразь!

Он видел кровь, видел, как обмякло тело под ним, но ненависть застилала глаза багровой пеленой. В этот миг он по-настоящему хотел убить. Убить того, с кем когда-то делил хлеб.

— Хватит! Родомир, остановись! — крик матери прорезал его ярость.

Родомир замер с занесенным кулаком. Тяжело дыша, он посмотрел на Агидель. Она стояла бледная, прижав руки к груди. В её глазах был страх, и Родомир понял: она боится не драки. Она боится его. Он медленно разжал пальцы и сел на пол рядом с бесчувственным телом. С костяшек его правой руки капала чужая кровь. В бою он всегда был хладнокровен, там убийство было работой, необходимостью. Но здесь... здесь он упивался желанием уничтожить.

— Мам, прости... — он вытер руки о штаны. — Сам не знаю, что нашло. Со мной такого никогда не бывало.

— Я понимаю, — прошептала она, не сводя глаз с разбитого лица Бояна. — Он наговорил лишнего. Но ему нужен знахарь, Родомир. Ты его чуть не зашиб.

— Да... заберу его с собой. В монастыре подлатают, — Родомир поднялся, чувствуя свинцовую тяжесть в ногах. — Мне нужна телега.

— Сам доеду... — прохрипел Боян, приходя в себя. — Помоги встать.

Родомир подал ему руку, но Бояна качало так сильно, что пришлось усадить его на скамью. Нос свернут набок, губы превратились в кровавое месиво. Глядя на него, Родомир чувствовал странную смесь вины и брезгливости. Многолетняя дружба сгорела в огне одной короткой угрозы.

— Помоги сесть в седло, — выдавил Боян. — К полудню я должен быть в строю. Насколько это... возможно.

— Доедешь? — коротко спросил Родомир. — Чуть раньше тебя это не заботило. Справлюсь.

Они вышли во двор. Родомир помог бывшему другу взобраться на коня. Их взгляды встретились, и Родомир понял: это не конец. В глазах Бояна тлела холодная, расчетливая злоба. Конь тронулся, унося всадника со двора.

По дороге к монастырю мысли Родомира возвращались к словам Бояна. Что он мог узнать? Какая тайна их простой семьи могла стать оружием в руках этого подлеца? В голову ничего не шло. Трактирщики, бывшие воины... у кого нет скелетов в шкафу? Но Боян выглядел слишком уверенным.

Монастырь Любеча предстал перед ним во всем величии. Это была настоящая крепость с высокими стенами и башнями. Над главными воротами красовался символ бога Рода — сплетенные линии, означавшие начало всего сущего. В центре высился каменный собор с золотыми куполами, а вокруг него жались деревянные церквушки, похожие на скромные амбары с острыми шпилями.

— Сын мой, — окликнула его пожилая монахиня, выходя из собора. — Ищешь кого? Раненых нынче много привезли, со всех сторон люди идут.

— Доброго утра, матушка. Ищу сестру свою, Ладу, дочь Яромира.

— Ах, Ладочка! — лицо старушки посветлело. — Добрая душа. Ищи её в больничном корпусе, за собором слева. Она сейчас там, рук не покладает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.